

Раннее утро, шесть часов. Город Шэнцзин 2025 года ещё был окутан тонкой пеленой прохладного сизого тумана. Издалека доносился глухой гул уборочной машины, и шестерёнки города начали свой медленный поворот.

Цзю Сяньлин медленно открыл глаза и с удивлением обнаружил, что спал на редкость крепко. На Земле Бессмертных Десяти Тысяч Сект он никогда не нуждался во сне — питания духовной энергии было вполне достаточно, чтобы божественная душа не уставала никогда. Теперь же это смертное тело, лишённое бессмертной силы и тяжёлое, словно кусок свинца, хоть и вызывало у него ощущение тяжести, но вместе с тем принесло и доселе неведомое чувство устойчивости.

Его разбудил тихий, шкворчащий звук с нотками гари и манящим ароматом. Этот звук вовсе не резал слух, а напротив, нёс в себе некий согревающий ритм. Цзю Сяньлин потёр сонные глаза и, босиком, как самый настоящий ребёнок, вышел из гостевой комнаты.

За маленьким облезлым обеденным столом в гостиной сидел Хань Цзэ. На нём всё ещё была та слегка помятая форма охранника тёмно-синего цвета, от которой исходил слабый запах пота, а погоны сидели немного криво. Лицо мужчины заросло синеватой щетиной от бессонной ночи, глаза запали, во взгляде читалась нескрываемая усталость, но действовал он предельно осторожно, боясь произвести хоть малейший шум.

Он неуклюже намазывал тупым столовым ножом дешёвый джем на кусок хлеба, а на соседней тарелке лежали два яйца: их края были зажарены до золотистой хрустящей корочки, а желтки в центре сохраняли жидкую, аппетитную консистенцию.

— Ого, малец проснулся? — услышав шорох, Хань Цзэ повернул голову, увидел Цзю Сяньлин и выдавил на усталом лице простодушную и тёплую улыбку. — Живо умойся, зубная щётка в стакане. Позавтракаешь, и мне надо будет срочно прилечь вздремнуть, вечером опять пахать в ночную смену, тамошний старый управляющий строго проверяет.

Цзю Сяньлин молча сел, глядя на эту незатейливую и даже простоватую трапезу. В Земле Бессмертных Десяти Тысяч Сект он ел яйца птиц луань и пил воду из источников Куньлуня. Глядя на Хань Цзэ, мальчик вдруг заговорил, и в его голосе прозвучало лёгкое недоумение:

— Дядя, тебе обязательно каждый день вот так? Сидеть всю ночь напролёт у этой чёрной двери перед холодными мониторами ради того, чтобы заработать на эти сухие ломтики хлеба?

— Эй, что ты за ребёнок такой, совсем уважения к старшим не имеешь, — Хань Цзэ откусил хлеб, самокритично усмехнулся, но взгляд его упал на плотно закрытую дверь комнаты Хань Тяньюнь. — Это называется не «ради хлеба», в мире смертных это называется «кормить семью». Отужу ещё одну ночь — получу побольше сверхурочных, и Тяньюнь будет о чём-то тревожиться чуть меньше. Зарплата у неё в детском саду невысокая, а ей ещё нужно копить на квартиру, платить страховку и покупать одежду для такого внезапно свалившегося на голову сорванца, как ты... Если я не буду стараться, кому о ней заботиться?

Рука Цзю Сяньлина, державшая вилку, слегка замерла.

В его воспоминаниях отцом был Небесный Император Хуан Тао. Высший владыка Земли Бессмертных Десяти Тысяч Сект в золотой короне, чьё величие невозможно было вынести взглядом. Одним взмахом руки Небесный Император мог перемещать звёзды, он пил нектар девяти небес и вкушал бессмертные плоды тысячелетней выдержки. Всё «хорошее», что Небесный Император делал для него, заключалось в даровании бесконечной жизни, непревзойдённых сокровищ и холодной, но могущественной защите всякий раз, когда мальчик натворит бед в мире бессмертных.

Но только теперь Цзю Сяньлин осознал, что эта забота больше походила на балование богачом редкого питомца.

Когда он натворил дел и проглотил девяносто девять бессмертных персиков, Небесный Император хоть и разгневался, но больше оттого, что этот «бонсай искривился, и его нужно подрезать». А тот финальный пинок, отправивший его в мир смертных с запечатанными силами и красиво названный «испытанием бедствиями», нёс в себе лишь решимость и безразличие в духе: «Я устал, развлекайся сам, не мозоль мне глаза». В глазах Небесного Императора Цзю Сяньлин был лишь символом, продолжением рода, а не живым ребёнком, нуждающимся в тепле.

Однако Хань Цзэ перед ним был совсем другим.

У Хань Цзэ не было сил двигать горы и осушать моря, от бессонных ночей у него ныла поясница, а ради зарплаты в несколько тысяч юаней в месяц он был готов кланяться и заискивать перед управляющим. Но каждую минуту той ночи, что он нёс вахту у двери, он сжигал собственную жизненную силу и энергию, чтобы добыть для дочери хотя бы крохи мирной и спокойной жизни.

— Ты хочешь сказать... что так надрываешься только потому, что любишь её? — Цзю Сяньлин склонил голову, и в его сердце в этот момент треснула стальная, нерушимая веками обида на «Небесного Императора-отца».

— А то как же? Разве отец не должен быть таким? Своя собственная плоть и кровь — как же её не любить, не собакам же скармливать? — Хань Цзэ хмыкнул, протянул погрубевшую, похожую на кору старого дерева ладонь и тяжело потрепал Цзю Сяньлина по макушке. — Хоть у тебя, малец, язык и острый, раз уж ты переступил порог дома Хань, дядя сможет пару дней кормить тебя — это не проблема. Ешьвай давай, остынет яйцо — появится рыбный привкус, будет невкусно.

Цзю Сяньлин ничего не ответил. Он опустил голову и с жаром откусил кусок жареного яйца. Вкус желтка растекался во рту, неся с собой земной аромат костра и домашнего очага, и это ощущение грело сердце даже сильнее бессмертных персиков из обители бессмертных, заставляя его глаза слегка щипать от подступающих слёз.

После завтрака Хань Цзэ ушёл в комнату отсыпаться, изнурённый усталостью. Хань Тяньюнь посмотрела на сидевшего на диване и болтавшего ножками Цзю Сяньлин и с беспокойством заломила пальцы.

— Сяньлин, сестре нужно идти на работу в детский сад Подсолнух, — завязывая лёгкие кроссовки, мягко произнесла Хань Тяньюнь. — Дома присмотреть за тобой некому, оставлять тебя одного я не решаюсь: а вдруг те люди в чёрном снова заявятся? Может... пойдёшь со мной в детский сад на денёк? Там много малышей и есть сладости.

— Пойду так пойду! К тому же этот молодой господин теперь богат! — Цзю Сяньлин похлопал себя по карманам. Хотя он до сих пор толком не разобрался в здешней покупательной способности, ему ужасно нравилось ощущение себя «нуворишем».

Детский сад Подсолнух располагался в тихом уголке жилого комплекса. Разноцветные горки, яркие расписные стены и оглушительные крики детей вызывали у Цзю Сяньлин, привыкшего к тишине и безмолвию бессмертных земель, лёгкое головокружение.

— Доброе утро, учительница Хань!

— Учительница Хань, Сяоцян только что отобрал у меня кубики и толкнул меня!

Стоило Хань Тяньюнь перешагнуть порог детского сада, как она мгновенно переключилась в рабочий режим. Словно ангел, полный бесконечного терпения, она успокаивала каждого плачущего ребёнка. Цзю Сяньлин прислонился плечом к косяку двери класса, скрестив руки на груди, и с высокомерным презрением разглядывал эту стайку сопляков, чей средний возраст едва ли дотягивал до пяти лет.

— Детский сад, сушая детвора, — холодно фыркнул он, источая внушительную ауру, несмотря на свой невысокий рост. — В мои-то три года этот молодой господин уже умел ловить грозовые тучи, чтобы искупаться, и использовал жилы драконов вместо скакалки! А эти сорванцы ревут из-за какого-то куска пластикового конструктора?

Однако, стоило ему зайти в класс и от скуки устроиться на специально выделенной для него маленькой скамеечке, как его восприятие, прежде запечатанное Небесным Путём и погружённое в мёртвую тишину, вдруг затрепетало с бешеной силой!

Это был резонанс из самых глубин души, взревавший за счёт его божественной природы.

Среди группы детей, шумно игравших с мозаикой, сидела на редкость тихая и даже несколько угрюмая маленькая девочка. Её звали Тантан, кожа её отличалась нездоровой бледностью, выдавая в ней хрупкое создание. На её шее на тонком красном шнурке висел прозрачный кулон в форме капли воды.

Кулон выглядел самым обычным, но в золотых зрачках Цзю Сяньлина (ныне скрытых за чернотой обычных глаз) проступал слабый-слабый, но чистейший до предела фиолетовый свет, который медленно вращался, источая знакомый аромат бессмертных фруктов садов.

— Первородная Сущность Бессмертного Персика Драконьей Слюны!

Цзю Сяньлин резко вскочил на ноги. Его бывшее ленивое выражение лица мгновенно испарилось, а глаза впились мёртвой хваткой в тот самый кулон. Это была одна из девяноста девяти персиков, съеденных им тогда, чья первородная сила рассеялась при взрыве. Кто бы мог подумать, что один из них пересёк границы миров и в таком виде затерялся среди смертных.

Он широким шагом пересёк комнату и под удивлённые взгляды детей остановился прямо перед Тантан, подняв лёгкий ветерок.

— Эй, соплячка, — присев на корточки, Цзю Сяньлин указал пальцем на её кулон, а в его тоне прозвучала требовательная поспешность: — Откуда у тебя эта штука? Это же в животе у этого молодого господина... кхм, то есть это вещь этого молодого господина!

Тантан испугался столь внезапно подскочившего красивого старшего брата, испуганно вжав голову в плечи. Её большие глаза мгновенно наполнились слезами, а маленькие ручки вцепились в кулон мёртвой хваткой:

— Это... это папа дал мне его, чтобы я была в безопасности. Тантан болеет, у меня всегда сильно болит в груди, а папа сказал, что если носить его, то у Тантан перестанет болеть, и я смогу вырасти...

Заметив это, Хань Тяньюнь поспешно подбежала и оттащила Цзю Сяньлин назад, с упреком в голосе произнеся:

— Сяньлин, нельзя быть таким невоспитанным! У Тантан слабое здоровье, у неё врождённый порок сердца. Этот кулон её папа выменял в антикварной лавке, потратив все сбережения, говорят, он освящён и очень полезен для сердца. С тех пор, как Тантан начала носить его, приступы у неё действительно больше не повторялись.

Врождённый порок сердца?

Цзю Сяньлин нахмурился. Несмотря на ограничения в духовном восприятии, он всё ещё чётко ощущал, как та самая Первородная Сущность непрерывно испускает мягчайшую жизненную силу, залечивая хрупкие сердечные каналы девочки. Это было восстановление, бросающее вызов самому мирозданию, и именно благодаря подпитке изначальной бессмертной энергией эта смертная девочка вообще могла сидеть здесь, ничем не отличаясь от здоровых детей.

Если он сейчас силой отнимет Первородную Сущность, лишённая поддержки девочка, пожалуй, не доживёт и до сегодняшнего вечера.

Цзю Сяньлин замолчал.

Будь он в мире бессмертных, если ему чего-то хотелось, плевать на рушащиеся небеса и судьбы окружающих — забрал и сбежал, таков был образ действий «неукротимого царя демонов». Он — приёмный сын Небесного Императора, кто посмел бы возразить ему хоть слово?

Но теперь в его голове всплывали покрасневшие от недосыпа глаза Хань Цзэ сегодняшним утром, его простодушная улыбка и слова: «Разве отец не должен быть таким?».

— Отец этой девчонки... наверняка, как и дядя Хань, заплатил огромную цену за этот камень?
— мысленно пробормотал он и медленно разжал крепко сжатые кулачки.

В этот момент у входа в детский сад, ещё мгновение назад наполненный детским смехом, раздался резкий визг тормозов.

Два чисто-чёрных фургона на полной скорости врезались на территорию и остановились. Из машин высыпало несколько суровых мужчин в чёрных тактических обтягивающих костюмах, на груди которых красовался странный узор в виде иероглифа демон. В руках они держали приборы, напоминающие компасы, стрелки которых безумно и хаотично указывали в сторону учебного класса.

— Источник обнаружен, — лидер группы снял солнечные очки, обнажив мутные глаза мёртвой рыбы, а его голос прозвучал леденяще. — Высококласный источник энергии находится прямо в этом детском саду. Помимо того «кулона со школьным отваром», здесь, кажется, кроется ещё одно, более мощное и первозданное колебание... Да, это та самая вещь.

— Босс, а что делать с ребёнком? — поинтересовался подчиненный.

— Забрать вещи. Встающих на пути — уничтожить без пощады.

Атмосфера во дворе детского сада мгновенно застыла. Хань Тяньюнь инстинктивно почувствовала опасность и, бледная как полотно, заслонила собой детей.

Цзю Сяньлин резко обернулся, и его взгляд в одно мгновение стал ледяным, заронив в себя толику гнева самого божества. Пусть его культивация и была запечатана, но трёхтысячелетнее давление божественной души было способно заставить затихнуть духовную энергию в радиусе ста метров.

— Решили отнять добро прямо на глазах у вашего дедушки? — он с хрустом сжал кулаки, а уголки его губ искривились в зловещей и безумной улыбке. — Пусть этот молодой господин

сейчас всего лишь смертный, но чтобы проучить такую шпану, которая даже не нюхала бессмертной ци, мне не нужна никакая магия!

Он повернулся к испуганной Хань Тяньюнь и бросил:

— Сестра, уведи детей в бомбоубежище на заднем дворе. А с этими... разберусь я, великий искатель приключений. Не переживай, я очень сильный.

Солнце продолжало светить, но в коридорах детского сада Подсолнух уже всю разливалась жажда убийства.

<http://bllate.org/book/22038/2291291>